

Наталья Костина

*Всё будет
хорошо*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков Белгород

2011

ББК 84.4УКР
К72

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Надежда Величко*

ISBN 978-966-14-1258-2 (Украина)
ISBN 978-5-9910-1544-8 (Россия)

- © Костина-Кассанелли Н., 2010
- © Depositphotos/Konrad Vak, Alexander Mirokhin, обложка, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2011

Предисловие

«Все будет хорошо» — это книга о дружбе и великодушии, о предательстве и потерях, о любви, ненависти и роковых ошибках. О том, что случается в жизни каждого из нас. Об этом писали, пишут и будут писать, но нам почему-то не надоедает читать. Тем более если написано талантливо, как у Натальи Костиной.

«Даже если ты оступилась, упала, сделала все неправильно, ты должна подняться с улыбкой. Улыбаться судьям, улыбаться залу, улыбаться сквозь слезы. Держать удар». Эти магические слова, мысленно повторяемые в тяжелую минуту, всегда выручали главную героиню романа, Нину Кузнецову. Но помогут ли они теперь, когда жизнь обрушивает на нее удары один тяжелее другого? Бывшая чемпионка по гимнастике считает, что счастлива в браке, и отчаянно мечтает забеременеть. Но в ходе очередного обследования узнает, что у нее рак. Ей всего тридцать два, и у нее никогда больше не будет детей. Она теряет любимую работу в элитной школе и начинает готовиться к операции. Но жестокой судьбе все мало: муж Нины совершенно неожиданно и, конечно, совсем некстати признается, что давно любит другую. Девушка, его секретарша, ждет от него ребенка, и он собирается жениться. Согласитесь, в подобной ситуации выстоять непросто, однако героиня поступает мудро. На рассвете она заводит старенькую машину, сажает туда сынишку и... отправляется к морю. Что ждет ее впереди?

Роман Натальи Костиной начинается как проникновенная мелодрама, но со временем сюжет обогащается детективной линией. Одно за другим происходят убийства, и читатель чувствует, что с ними связан кто-то из основных персонажей книги. Но кто именно? О, вы не узнаете этого до самого конца — настолько умело, не забывая о мелочах, автор ведет свое повествование. Кстати, именно подробности

и всякого рода детали делают этот роман необыкновенно живым и теплым. Это же настроение поддерживается благодаря обилию симпатичных персонажей, каждый из которых выписан с любовью. Умудренный опытом, циничный, но не растерявший обаяния хирург. Бедные, но честные опера. Пожилая крымчанка, не побоявшаяся впустить в свое сердце чужих, казалось бы, людей. Подруга главной героини со странной для беременной женщины страстью к стрелковому оружию... Все они удивительно органично уживаются на страницах романа, события которого разворачиваются в наши дни.

Итак, перед вами замечательная история: трогательная и вполне правдивая. Напоминающая нам о том, как важно при любых обстоятельствах оставаться людьми. И еще о том, что тьма, как говаривали древние китайцы, сгущается перед рассветом.

Все будет хорошо

Господь Бог живет на втором этаже онкологического диспансера. В коридоре, под потолком. В том самом, плохо проверяемом коридоре, с вечным затхлым духом старого линолеума, по которому два раза в день проходит тряпка с хлоркой. Там, под потолком, пыльных плафонов, Он, должно быть, и обитает. Потому что именно туда поднимают глаза все — с просьбой к Нему. И это не Бог Отец, суровый бородатый старик, всевидящий Бог раннего детства, и не Иисус Христос — мальчик-индиго, из тех детей, что появляются во все времена, — но Бог Дух Святой, неуловимое нечто. Непостижимый, безликий, нашедший себе пристанище здесь, в спертom воздухе больничного коридора, здесь, где чаще, чем в церкви, просят Его о помощи.

Нина с досадой захлопнула книгу. Уже в третий раз она принималась читать один и тот же абзац, но не понимала прочитанного. Она затолкала детектив в сумочку и посмотрела на часы — некстати вспомнилась цитата: «В девять, ровно в девять. Анна Сергеевна». Все сходится. Ровно девять. И врача зовут Анна Сергеевна. Дробно и часто простучали каблуки — медсестра прошла в кабинет с ворохом карточек. Нина попыталась заглянуть в приоткрывшуюся дверь, но молодая сестричка, как новорожденная капустаница, выпорхнула обратно и скользнула по Нине равнодушным взглядом.

— Проходите.

Сердце ухнуло вниз, как сорвавшийся в небоскребе лифт, и руки стали холодными и мокрыми. «Тьфу ты, напасть». — Нина достала платок и вытерла ладони.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. — Врач подняла на Нину глаза, и та с удивлением отметила, что глаза у доктора ярко-голубые, скорее даже бирюзовые. «А позавчера были серые. Или она в очках была? Не помню».

— Пеленочку взяли? — Анна Сергеевна прошла к умывальнику мыть руки. — Раздевайтесь, пожалуйста. — Обернувшись, она подбородком указала Нине на ширму.

Гинекологическое кресло с отполированными от ежедневного использования стальными подхватами возвышалось, как пыточная дыба. «Господи, какая же противная штука». От прикосновения холодного металла Нина тут же покрылась гусиной кожей. Невидимая за ширмой Анна Сергеевна с резким хлопком надела перчатки и теперь лязгала инструментами в лотке. Нина прикрыла глаза. От внезапного прикосновения она вздрогнула и коротко вздохнула.

— Вот умница, расслабилась. — Пальцы аккуратно, даже как-то нежно надавливали то там, то здесь. — Больно? Больно? Не больно? Хорошо. Хорошо. Очень хорошо!

Чем-то противно поскребли внутри и, наконец, железо вынули. Она открыла глаза. Рядом никого не было. Слышался звук льющейся воды — врач снова мыла руки. Нина боком сползла с кресла, стараясь попасть босыми ногами прямо в босоножки.

— Ну что? — Врач заглянула за ширму. — Оделись?

— Да. — Нина кивнула, сворачивая старую Димкину пленку и скатывая ее тугой колбаской.

— Сейчас на УЗИ пойдем. Спуститесь на первый этаж и оплатите в третьей комнате. УЗИ у нас, к сожалению, платное. — Бирюзовые глаза тем не менее не выражали никакого сожаления, а блестели строго и холодно. — Ждите меня возле десятого кабинета, хорошо? Я сейчас отпущу больную и спущусь.

— А что, что-то не так?..

— Все хорошо будет, Нина Анатольевна. — Врач выглянула из кабинета, приглашая следующую пациентку. — Проходите...

Нина спустилась на первый этаж, к кассе. В двери было прорезано окошечко, туда стояла небольшая очередь. Тяжелые, темные, видимо, еще родные двери здания бывшей жен-

ской гимназии то и дело открывались, впуская очередного человека и вместе с ним порцию летнего уличного шума. Нине внезапно захотелось выйти через эти старые двери с витыми медными ручками прямо в асфальтовый августовский жар. Ей казалось, что она уже насквозь пропахла витающими здесь запахами страха и боли — старой бумаги, кварцевых ламп, дезинфекции и человеческих испарений. Но вместо этого она вежливо протянула в узкое окошечко деньги и взяла квитанцию.

Она пришла сюда позавчера от районного гинеколога. Они с Сережей очень хотели ребенка. Но после рождения Димки Нине почему-то никак не удавалось забеременеть. По этому поводу она обратилась в поликлинику два года назад, тогда-то у нее и обнаружили эту чертову фибромиому. Молодая врачиха утешала расстроенную Нину: «Да ну, чепуха! Опухоль небольшая, доброкачественная. Будете как новенькая! Тогда и о ребеночке поговорим». Нина добросовестно накупила кучу лекарств, бегала на уколы и раз в месяц на осмотр. Врач всякий раз уверяла, что опухоль уменьшается и волноваться особо нечего. Нина смущенно клала на стол «барашка в бумажке». Со временем страсти улеглись, опухоль не чувствовалась, в работе не мешала, и она больше года никуда не ходила. Но приближался новый учебный год, и она решила посетить врача и успокоить совесть.

В хорошо знакомом кабинете вместо приятной во всех отношениях молодой девицы сидела усталая хмурая тетка, небрежно выкрашенная в цвет красного дерева. Она долго опытными руками мяла Нине живот и внимательно прочитала все, что написала ее предшественница. От предложенного конвертика брезгливо отказалась: «Вы, Кузнецова, сначала выздоровейте, а там видно будет», — и выписала ей направление сюда, в онкодиспансер. На испуганные вопросы Нины терпеливо и безрадостно объяснила, что картина ей не совсем ясна, опухоль не только не уменьшилась, но за

год явно увеличилась. «И вообще, идите и проверьтесь. Тем более при такой предрасположенности».

У Нины были совершенно другие планы на эти последние полторы недели перед началом года, но спорить она не решилась и, про себя ругая дотошную тетку, поехала через весь город. На прием ее не записали — оказалось, что, кроме направления, нужен еще и паспорт. Проездив целый день зря, она едва успела вовремя забрать из садика Димку. Он одиноко сидел в углу песочницы, а потом всю дорогу до дома укоризненно молчал.

— Все будет хорошо. Все будет хорошо. — Нина поймала себя на том, что говорит это вслух. Она испуганно открыла глаза, но в коридоре возле десятого кабинета было пусто. «Не торопитесь что-то эта Анна Сергеевна!» И тут Нина внезапно успокоилась — то ли помогла магическая формула «все будет хорошо», то ли сработала привычка собираться в ответственные моменты (когда-то на соревнованиях это здорово помогало). Она подошла к окну и оперлась на необъятной ширины подоконник. Воробьи возились на земле под липами — их скандал был слышен даже здесь. Трехцветная кошка, припадая толстым брюхом к земле, подкрадывалась к орущему птичьему конклаву. Нина постучала в стекло, надеясь или спугнуть кошку, или привлечь внимание воробьев, но на это никто не отреагировал. Кошка продолжала медленно продвигаться к воробьям, а те ссорились и насакивали друг на друга из-за какой-то хлебной корки. Чем все закончилось, Нина так и не узнала. То ли воробьи съели корку, то ли кошка съела воробьев...

— Нина Анатольевна! — Анна Сергеевна отперла двери десятого кабинета и звала Нину: — Проходите. Сюда, на кушеточку...

Какими бы ни были глаза у этой Анны Сергеевны — серыми или все-таки бирюзовыми, — врачом она была замечательным. Руки ее вторгались в святая святых Нины, прощупывали живот и снаружи, и изнутри, не делая ей ни больно, ни

неловко. Процедура же УЗИ оказалась даже приятной, в сравнении с осмотром на кресле. Нинин живот Анна Сергеевна чем-то смазала и теперь плавно скользила по коже сканером. Монитор светился голубоватым светом, и Нина, скосив глаза, попыталась на него взглянуть.

— Я сейчас вам все покажу. — Уловив ее движение, Анна Сергеевна развернула монитор. — Не люблю секретов и всегда все говорю своим больным прямо. Так всем гораздо легче. Видите? — Врач указала на какое-то темное пятно. — Вот ваша опухоль. А вот это, — она очертила ручкой круг, сместив сканер на плоском Нинином животе сначала в одну, а потом в другую сторону, — ваши яичники. Видите, какой поликистоз? Все забито! — И она ткнула в россыпь каких-то шариков. — Живот вытирайте. — Она протянула Нине комок ваты.

Затем врач так же долго и тщательно осматривала Нинину грудь. Нина ожидала каких-либо комментариев и здесь, но Анна Сергеевна сосредоточенно молчала. Когда же она попросила поднять руки и стала прощупывать подмышки, Нина снова ощутила, что липкий страх, внезапно отпустивший ее в коридоре, так же внезапно вернулся.

— Метастазы?..

— Ну какие метастазы? Дурочка! — Анна Сергеевна блеснула своими замечательно бирюзовыми глазами, и Нина вдруг поняла, что это всего-навсего тонированные контактные линзы. А позавчера Анна Сергеевна была в очках, и глаза у нее действительно серые.

— Одевайтесь. Метастазы! — Нинин «самодельный» диагноз то ли насмешил, то ли раздосадовал врача. — Их только не хватало, — фыркнула она.

— Теперь слушайте, Нина Анатольевна. Анализы ваши, честно говоря, плохие: и гормоны не в том количестве, и лейкоциты гораздо выше нормы, и гемоглобин плохой, и хламидии нашли, и герпес... Ну, ладно, это опустим — инфекции мы пролечим... Главное — анализ на онкоклетки положитель-

ный. И опухоль ваша увеличилась за год чуть ли не вдвое. Смотрите. — Она полистала Нинину поликлиническую карту. — Год назад было шесть недель, а сегодня уже десять. Так вот, я вам даю направление на операцию. И чем быстрее вы прооперируетесь, тем лучше. Сейчас я напишу заключение... Послушайте, не падайте духом. Не расстраиваться надо, а радоваться, что вовремя это обнаружили! И не вздумайте бросаться ко всяким разным целителям или экстрасенсам... И время потеряете, и деньги. Главное, время. В вашем случае, если не тянуть, прогноз очень благоприятный, процентов девяносто — девяносто пять... Сейчас это прекрасно лечат, и у нас процент не хуже, чем, скажем, где-нибудь в Германии. Да! Миллионы женщин во всем мире через это проходят — а ведь есть и совсем девочки! — Она заперла кабинета УЗИ. — Они уже и рожать не смогут, а у вас ребенок.

— Димка, — еле слышно прошелестела Нина.

— Ну вот, ради Димки соберитесь и будьте мужественной!

Да, ради Димки Нина готова быть мужественной, и не только мужественной. Ради Димки Нина вообще готова на все. Ради Сергея, конечно, тоже, но ради Димки...

— Анна Сергеевна!

— Да! — Анна Сергеевна прошла к себе и одобрительно взглянула на вошедшую следом молодую женщину. Никаких обмороков, слез, истерик — только руки теребят застежку сумки.

— Анна Сергеевна, а оперировать будете вы?

— Нет, конечно. Я вам даю направление в наш городской онкологический центр. Там свои хирурги, очень хорошие.

— Извините, — решила Нина, — но не могли бы вы порекомендовать мне... Понимаете... чтобы я не с улицы пришла.

— Конечно, понимаю. Это правильное решение. — Врач немного помолчала. — Но, знаете, операция и так дело не дешовое... Нужно оплачивать медикаменты, то, се. Реабилитационный период также... Набегает довольно много.

— Сколько? — Нина решила идти до конца. — Сколько это будет стоить?

— Примерно... — Анна Сергеевна вдруг потерла переносицу и сделала жест, как будто собиралась снять очки. — Примерно тысячу — за операцию, хирургу. А дальше — тут я точно сказать не могу... Ну, скажем, тысячи полторы. В крайнем случае, две. Лекарства все время дорожают...

— Хорошо. Я согласна. Я вам буду очень благодарна, Анна Сергеевна.

— Ну что вы, Нина Анатольевна! Сначала нужно, чтобы с вами было все в порядке, а уже потом будем говорить о благодарности. Я вам скажу прямо: это очень правильное решение. Присаживайтесь. — Она кивнула на место рядом со столом. — Сейчас я напишу вам записку. Доктора зовут Игорь Михайлович Емец. Заведующий отделением. Замечательный хирург! Лучше всего поезжайте к нему прямо сейчас. Он, насколько я знаю, скоро уходит в отпуск, и лучше, если вы с ним договоритесь заранее. Доедете до больничного городка... — Анна Сергеевна старательно рисовала на бумажке. Нина смотрела как замороженная на ее маленькие руки с розовой, шершавой от частого мытья кожей, с коротко подстриженными круглыми ногтями, кивала, но чувствовала, что не понимает ни слова.

— Спасибо. — Она решительно встала. Извлекла из сумки конверт и положила на стол врачу.

— Нет-нет. — Анна Сергеевна отодвинула приношение. — Вот вернетесь сюда месяца через два здоровая, повеселевшая, избавившись навсегда от этой гадости, тогда и поговорим... — Кивая уходящей Нине головой, она открыла дверь кабинета. — Следующий!..

* * *

— Заходите!

Нина толкнула двери с табличкой «Емец И. М. Зав. отделением» и вошла. Зав. отделением Игорь Михайлович Емец